

После полудня Чжоу-гэр вернулся из города. Зайдя к Чжао-гэру, он забрал Лю-лю домой. Хозяин дома ещё немного повозился на грядках, вырывая сорняки, а когда солнце перестало немилосердно палить, зашёл в кухню за корзинкой и, взяв Гуай-цзая за руку, направился к реке.

Там, на пустыре, густо разросся чжэ'эргэнь. Молодой человек хотел накопать немного этой «рыбной травы», чтобы вечером подать её к столу, заправив ею холодную закуску из свинины.

Однако не успели они пройти и половины пути, как навстречу им вывалился Лю Лайцзы.

Он, судя по всему, только что вернулся из города; за версту от него несло дешёвой сивухой.

Чжао-гэра обдало волной омерзения, и в памяти тут же всплыли слова Фан Цзычэня:

— У этих двоих на лицах написано, что они проходимцы. Не смей больше выходить из дома по вечерам. У околицы места глухие — случись тебе встретиться с ними на дороге, заташат в лесок, сотворят всякое непотребство, и поминай как звали!

Лю Лайцзы тоже заметил его. Увидев, что фулан Фан один, он уже собрался было отвесить какую-нибудь сальную шуточку, как вдруг заметил, что тот затравленно огляделся по сторонам, подхватил сына на руки и со всех ног бросился в сторону горы.

«В горах-то безлюдно... Само в руки плывёт!»

Пьяно ухмыльнувшись, преследователь припустил следом, бросившись в погоню.

***

В это время в доме семьи Ма Старшая госпожа Ма колола дрова. Очередной замах вышел кособоким — топор лишь содрал кусок коры с полена. Ма Дачжуан, увидев, какой беспорядок она развела, вмиг вспылал.

— Ты только погляди на себя! — закричал он, закипая от ярости. — Дрова и те расколоть не можешь! Утром рис спалила, в рот не возьмёшь. Где это видано, чтобы жена была такой безрукой?

Он распалялся всё сильнее:

— За эти годы Чжао-гэр тебя совсем разбаловал, ты и палец о палец ударить разучилась! Твою

мать, посмотри, во что дом превратился! Свинарник не вычищен, куры голодные — все только и ждут, когда я за дело возьмусь?!

Женщина была не из тех, что безмолвно сносят обиды. С грохотом швырнув топор на землю, она упёрла руки в бока:

— А если и возьмёшься, что с того? Ну-ка расскажи мне, что ты сам-то с утра пораньше сделал? А! Этого гэра теперь нет, работать некому, и тебе, значит, разок за веник взяться неважно? Не нравится мой рис — так иди и вари сам!

— Ты где видела, чтобы ханьцзы такой работой занимался?! — взревел Ма Дачжуан.

— А как жрать, так вы все ханьцзы горады!

Её голос сорвался на крик. В доме, за тонкой стеной, Госпожа Ли и Госпожа Сунь занимались рукоделием. Стены были словно из бумаги, так что каждое слово с улицы они слышали отчётливо.

— Не я одна тут пузо набиваю, с какой стати мне одной горбатиться? — продолжала вопить Старшая госпожа Ма. — Тот никчёмный паренёк считался из нашей ветви, так некоторые на нём годами ехали, всё никак не наживутся! Теперь его нет, так они, видать, размечтались, что я их обслуживать буду? Тьфу! Пусть и дальше видят свои сладкие сны, выкуси!

Кому предназначались эти слова, объяснять не требовалось.

Госпожа Сунь отшвырнула шитьё и выскочила на порог:

— Старшая невестка, это ты сейчас про кого лопочешь?

— Да ни про кого, — попытался замять дело Ма Дачжуан. — Это она так, сболтнула сдуру, не бери в голову.

Из своей комнаты вышла Старуха Ма. Лицо её было мрачнее тучи. Сноха, хоть и хотела ещё что-то выкрикнуть, при виде свекрови сразу прикусила язык.

Но Госпожа Сунь не унималась:

— Сдуру или от чистого сердца — невестка сама знает. Говорит, что мы на ней наживаемся? Пусть-ка вспомнит: когда парня покупали, серебро из общего кошель брали! Значит, и тот гэр был общим имуществом, и мы, вторая и третья ветви, имели на него такое же право. С чего это вдруг Старшая невестка решила, что он только их был?

— Его покупали как тунъянфу для моего младшего сына! — взвизгнула хозяйка дома. — Если он не наш, так что же, по-твоему, он к третьей ветви относится?!

В груди у неё всё клокотало от обиды. Она уже открыла рот, чтобы продолжить спор, но Ма Дачжуан схватил её за плечо и потащил в комнату:

— Хватит! Замолчи немедленно!

— Это почему я должна молчать?! — Женщина вцепилась в дверной косяк, не желая уступить.

Если она сейчас уйдёт, выйдет так, будто она признала своё поражение и спряталась!

Ма Дачжуан уже готов был отвесить ей затрещину:

— Уйдёшь ты или нет? Радуетесь, когда в доме скандал?

Госпожа Сунь подлила масла в огонь:

— Старший брат, да пусть она договорит! А то так и будет каждый день ходить и ядом брызгать. Раз уж и матушка здесь, пусть она нас рассудит: правда ли мы на них наживаемся?

— Вот-вот! — поддакнула Госпожа Ли.

Ма Дачжуан насунился и замолчал. Ма Эрчжу и Третий брат Ма, привлечённые шумом, тоже вышли во двор. Лица у обоих были недовольные — слова невестки явно задели их за живое.

— Брат, пусть она скажет всё до конца!

— Братья, да она просто мелет что попало...

— Ничего я не мелю! — выкрикнула Старшая госпожа Ма. — Если он был тунъянфу для нашего сына, значит, принадлежал нашей ветви! Или вы хотите сказать, что когда из общих денег будут справлять свадьбы вашим сыновьям, их жены тоже станут общим имуществом? Что же, тогда на них любой сможет залезть, кто захочет?!

Эти слова прозвучали как разорвавшийся снаряд.

Старуха Ма зашлась в крике, Госпожа Сунь и Госпожа Ли набросились на соперницу с ответными порёками — во дворе поднялся невообразимый гвалт.

С тех пор как Фан Цзычэнь побывал у них в доме, женщины семьи Ма ссорились не переставая: если не мелкая перепалка с утра, так крупный скандал к вечеру. Раньше, когда всю работу за них делал один человек, они жили душа в душу, словно родные сёстры. Теперь же, когда хозяйство осталось без слуги, а дом делить никто не собирался, каждая считала, что трудится больше остальных, и не упускала случая уколоть другую.

Ни Старшая госпожа Ма, ни её невестки не были обучены грамоте, зато по части сварливости и остроты на язык могли дать фору любому. Стоило одной намекнуть на лень другой, как та тут же лезла в драку.

Соседи давно привыкли к этим концертам. Несколько человек уже приникли к заборам, с интересом наблюдая за потасовкой.

Сначала в ход шли только проклятия, но вскоре этого показалось мало. Старшая госпожа Ма и Госпожа Сунь вцепились друг другу в волосы. Мужчины пытались их разнять. Ма Дачжуан протянул руку, чтобы оттащить жену, но та в запале уже не разбирала, где свой, а где чужой, и со всей силы полоснула его ногтями по лицу.

Старуха Ма, увидев на щеке старшего сына кровавые борозды, на мгновение оторопела.

— Бунт! Настоящий бунт! — заверещала она. — Эрчжу, Третий, живо за отцом!

Третий брат Ма, видя, что его жену одолевают, не спешил подчиняться — ему самому хотелось ввязаться в драку.

Послушный Ма Эрчжу уже повернулся, чтобы бежать, но Госпожа Ли схватила его за рукав и прошептала:

— Не ходи.

— Но...

— Пусть дерутся! Нам-то что с того? К тому же невестка за такие слова и впрямь заслужила взбучку.

Слова Старшей госпожи Ма задела и Ма Эрчжу. Немного подумав и убедившись, что мать на них не смотрит, он тихо увёл жену в их комнату.

Пока женщины катались по земле, а представление во дворе было в самом разгаре, кто-то из соседей вдруг крикнул:

— Эй! Смотрите, это не Ма Вэнь там идёт?

Одна из тётушек присмотрелась и подтвердила:

— Точно, он! — Она ехидно усмехнулась, предвкушая продолжение. — Вот сейчас потеха начнётся!

— И не говори! Все знают, как Ма Вэнь сох по нему. А теперь, пока парня не было, семья взяла и продала его. Ну и бучу он поднимет!

— Да не факт, — возразила другая соседка, жившая через стенку от семьи Ма и хорошо знавшая характер юноши. В её голосе прозвучала неприкрытая насмешка. — Он же у нас «почтительный сын», забыли? Против родителей не пойдёт.

Ма Вэнь ещё издали заметил толпу у своих ворот. Он вырос в этой деревне и по одному взгляду понял: в доме беда. Он прибавил шагу и вбежал во двор.

Старшая госпожа Ма совсем потеряла голову от ярости. Ма Дачжуан всё ещё пытался их разнять:

— Перестаньте!

— Пшёл вон! — Женщина отпихнула мужа так, словно его присутствие мешало ей окончательно разгромить соперницу.

— Мама...

Голос Ма Вэня прозвучал резко, словно команда режиссера: «Снято!», и потасовка в одно мгновение прекратилась.

«Актёры» тут же разлетелись в стороны, выпрямились и заголосили наперебой, выдавая заготовленные фразы:

— Сынок! Ты наконец-то вернулся! Ещё бы пара минут, и твою мать бы забили до смерти!

— Племянник, всё совсем не так! Не слушай ты её бредни!

— Внучек мой дорогой! Иди сюда, дай бабушке на тебя посмотреть!

Старшая госпожа Ма выглядела ужасно: на лице синяки, в углу рта кровь, волосы всклокочены, одежда изорвана. На земле валялось несколько клоков волос — бог весть, чьих именно.

Ма Вэнь не слышал ни слова. Он обвёл всех тяжёлым взглядом и остановил его на матери.

— Мама, вы продали Чжао-гэра? Это правда?

Во дворе мгновенно воцарилась гробовая тишина.

<http://bllate.org/book/15357/1420518>